

Живка КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА

**ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ТОЖДЕСТВО, ВАРИАТИВНОСТЬ И ОМОНИМИЯ
В ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)**

**Diachronic Identity, Variability and Homonymy in the Etymologization of
Sound Symbolic Words
(On the Material of Slavic languages)**

Abstract

In etymology, the diachronic identity of words and morphemes is proved by the joint application of the comparative historical method regarding sound form and the method of semantic typology (semantic parallels) regarding semantics. This rule is fully applicable, however, only for arbitrary signs of the language in which the non-exclusivity of phonetic laws has been proved. The article shows that the definition of diachronic identity in sound symbolic words is complicated by their very nature as iconic signs, processed by the right hemisphere of the brain, which predetermines their disobedience to phonetic laws, formal variability and the rather frequent presence of homonyms. The pragmatic, functional and structural properties of sound symbolic words are also taken into account.

Keywords: *etymology, neurolinguistics, diachronic identity, sound symbolic words, Slavic languages*

На понятии диахронического тождества опирается реконструкция слов и определение состава их этимологических гнезд. Две знаковые единицы (морфемы, слова) можно считать диахронически тождественными, если они являются результатом разной эволюции одной и той же единицы, существовавшей ранее, или представляют собой разную ступень ее развития. Диахроническое тождество доказывается путем совместного применения сравнительно-исторического метода относительно звуковой формы и метода семантической типологии (семантических параллелей, изосемантических рядов) относительно семантики. Данное положение в полной мере валидно, однако, только для арбитрарных знаков языка. Именно в связи с эволюцией арбитрарных знаков открыты фонетические законы, жесткое соблюдение которых превратилось в ведущий принцип этимологии.

При звукоизобразительных словах (звукоподражательных и звукосимволических, выражающих соответственно звуковые и незвуковые значения) установление диахронического тождества должно подчиняться другим правилам, поскольку по своему происхождению они являются знаками иконическими. В данной статье покажем, что определение диахронического тождества при звукоизобразительных словах осложняется самой их природой, которая

предопределяет их неподчинение фонетическим законам, формальную вариативность и довольно частое наличие омонимов.

1. Фонетические законы и диахроническое тождество звукоизобразительных слов

Как иконические знаки, звукоизобразительные слова характеризуются прямой связью между звуковой формой и значением. До тех пор, пока их иконичность не будет утрачена в соответствии с естественной тенденцией развития к потере мотивированности и к деиконизации, можно ожидать, что они как иконические знаки будут сопротивляться фонетическим изменениям. Как отмечает Л. Во, с целью сохранения иконичности звуковые изменения в звукоизобразительных словах могут не осуществиться [WAUGH 1993: 74]. Само подчинение закономерным фонетическим изменениям языка считается одной из причин потери звукоизобразительности, а следовательно и иконичности звукоизобразительных слов [MALKIEL 1990: 44; БРОДОВИЧ 2002: 23; FLAKSMAN 2020: 88].

Можно дать и физиологическое объяснение незакономерному фонетическому развитию звукоизобразительных слов. Учитывая принципы работы мозга при восприятии, обработке и конструировании звукоизобразительности, можно лучше понять поведение звукоизобразительных слов в языке, особенно в сопоставлении с обычными словами (арбитражными знаками). Хотя нейронные механизмы звукоизобразительности не так подробно изучены, что может быть связано с тем, что исследователи работы мозга обладают ограниченными знаниями в области звукоизобразительности и особенно звукосимволизма (см. об этом [KANERO et al. 2014: 11; LOCKWOOD – DINGEMANSE 2015: 10; YANG et al. 2019: 2]), на основании уже известного относительно физиологических основ языка вообще и проведенных отдельных нейролингвистических исследований звукоизобразительной лексики можно сделать следующие обобщения, в том числе и дедуктивным путем, относительно нейролингвистических основ звукоизобразительности.

Установлено, что левое полушарие мозга, при норме доминантное, управляет высшими языковыми процессами и абстрактным мышлением, и с эволюционной точки зрения это более молодые функции. Со своей стороны, правое полушарие управляет более древними механизмами речеобразования и анализа звучащей речи [БАЛОНОВ – ДЕГЛИН 1976: 193–194]. Установлено также, что оба полушария имеют разные принципы работы при производстве и восприятии сигналов, в том числе и речевых. Работа левого полушария характеризуется „центробежной и аналитической тенденцией обработки информации“; работа правого полушария – „центростремительной и холистической тенденцией обработки информации“ [ЖУРАВЛЕВ – ОЩЕПКОВА 2020: 33]. Правое полушарие „схватывает“ предметы и явления как целое, и „целостность эта создается за счет одномоментной интеграции как внутренних связей между элементами этих предметов и явлений, так и внешних связей этих предметов и явлений с другими“ предметами и явлениями. Это „целостность калейдоскопа, а не целостность цепи, состоящей из одинаковых звеньев“. Со своей стороны, левое полушарие „производит разъятие целого на его составные

элементы“, обеспечивая возможность анализа, „оно дифференцирует, а не объединяет“ [РОТЕНБЕРГ 2009: 6–7]. В соответствии со своим аналитизмом левое полушарие отвечает за структурную организацию фонем языка. Как отмечают Л.Я. Балонов и В.Л. Деглин, при норме левое полушарие классифицирует фонемы по их дифференциальным признакам и поддерживает иерархию этих признаков, обеспечивая устойчивость фонологической системы языка [БАЛОНОВ – ДЕГЛИН 1976: 133].

Сделан вывод и о разном качестве сигналов, обрабатываемых двумя хемисферами, с точки зрения их связи с обозначаемой действительностью. Опираясь на исследования ряда авторов, Р. Якобсон делает обобщение, что левое полушарие обрабатывает сигналы, базированные на фонемных оппозициях, и что эти сигналы имеют опосредованную связь с обозначаемой действительностью. Со своей стороны, правое полушарие обрабатывает сигналы с прямой, непосредственной, остенсивной связью между их материальной формой и тем, что они обозначают [ЯКОБСОН 1985: 271, 274, 283]. Дедуктивным путем можно сделать вывод, что звукоизобразительные слова, как сигналы с прямой связью между формой и значением, должны быть функцией правого полушария мозга.

Экспериментальное исследование, проведенное на материале японского языка, подкрепляет гипотезу, что звукоизобразительные слова обрабатываются правым полушарием. Установлено, что они активируют заднюю часть верхней височной борозды (*sulcus temporalis superior*, STS) правого полушария, в то время как обычные слова активируют STS левого полушария. Таким образом сделан вывод, что задняя часть STS правого полушария, по всей вероятности, служит важным центром для обработки звукоизобразительности вообще. Важным моментом в этом исследовании является также утверждение, что звукоизобразительные слова с нейролингвистической точки зрения имеют двоякую природу, являясь не только иконическими знаками, но обладая и признаками арбитральных знаков, в обработке которых участвует STS левого полушария [KANERO et al. 2014: 7, 1–2]. Задняя часть STS правого полушария активируется также при семантизации звуков окружающей среды [THIERRY et al. 2003: 504]. С этим фактом коррелирует сформулированная исследовательской группой Канеро гипотеза, что звукоизобразительные образования, как своеобразный мост между неязыковыми звуковыми сигналами и конвенциональными словами, могут пролить свет на онтогенез и филогенез языка [KANERO et al. 2014: 7]. Более позднее нейровизуализирующее исследование показывает, что правое полушарие (точнее, верхняя височная область, как область кросс-модальной интеграции) у доязычных детей (11-месячного возраста) обрабатывает звуко-символические стимулы и тем самым закладывает основы для усвоения языка, для обнаружения кросс-модальных соответствий между звуками слова и визуальными референтами [YANG et al. 2019].

Нейровизуализирующие исследования свидетельствуют также о специфических механизмах обработки информации, выражаемой звуко-символическими словами. Исследование, проведенное на материале японского языка при помощи ЭЭГ, приводит доказательства о мультисенсорной интеграции между звуковой

формой звуко-символических слов и сенсорными репрезентациями сработавших сенсорных доменов при произнесении предложений со звуко-символическими наречиями, какой не наблюдается при предложениях с обычными наречиями [LOCKWOOD – TUOMAINEN 2015: 8]. И более новые исследования подкрепляют гипотезу о том, что обработка звуко-символических слов активирует сети мозга, обусловленные сенсорной модальностью [KITADA et al. 2021].

Итак, можно считать в большой мере доказанным то, что звукоизобразительные слова обрабатываются правым полушарием, и то, что мультисенсорные связи характеризуют механизмы обработки этих слов. Опираясь на данные факты и учитывая принципы обработки информации правым полушарием, а также двойную природу звукоизобразительных слов, промежуточное положение, которое они занимают между неязыковыми иконическими звуковыми знаками и арбитрарными знаками языка, можно понять их поведение в связи с фонетическими законами, включающее сопротивление этим законам и возможность подчиниться им. Подчинение фонетическим законам наносит ущерб иконичности.

Ср., например, в русском языке звукоподражательное междометие *му-у*, воспроизводящее звуки, издаваемые коровой, и глагол *мычать*, обозначающий само действие. Нет сомнения, что глагол образован от междометия. Возможно, что он сохранился с индоевропейской эпохи, и в нем произошло закономерное развитие долгого гласного в соответствии с фонетическим законом ие. **i* > псл. **u*, и таким образом доля иконичности в знаковой сущности слова уменьшилась, усилилась арбитрарность. Иконичность междометия сохранилась, сохраняя и долгий гласный из-за более тесной, осознаваемой связи с воспроизводимыми словом внеязыковыми звуками.

2. Вариативность звукоизобразительных слов и их диахроническое тождество

Вопрос об определении диахронически тождественных звукоизобразительных слов и морфем осложняется также присущей им формальной вариативностью, на которую указывают многие исследователи звукоизобразительности [ВОРОНИН 1982: 89; КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008: 90, 257–258; ШВЕЦОВА 2011: 120–162].

Вариативность звукоизобразительных слов предопределяется их правополушарной природой. Поскольку для правого полушария характерна холистичность при обработке сигналов, различение форм этих слов по дифференциальным признакам фонем не должно иметь такого существенного значения, как различение форм слов, полностью управляемых аналитическим левым полушарием. Этот факт предполагает допустимость варьирования фонем звукоизобразительных слов по артикуляционным признакам.

Кроме того, экспериментально доказано, что при временной инактивации левого полушария в результате унилатеральной электрошоковой терапии, наблюдается размытость фонемных границ, диффузность звуковой формы лексических единиц [БАЛОНОВ – ДЕГЛИН 1976: 161]. В связи с этим С.В. Воронин отмечает, что размытость фонемных границ есть черта эволюционно древняя, архаическая и что этот факт приводит к выводу об эволюционной древности размытости, диффузности звукового облика звукоизобразительных слов [ВОРОНИН

1982: 143]. Первоначальная диффузность формы слова естественно ведет к вариативности и к нерегулярным формальным соответствиям между его наследниками.

Имея в виду первоначальную диффузность и вариативность новообразованного звукоизобразительного слова, при формальной реконструкции следует реконструировать не фонемы, а фонемотипы, характеризуемые артикуляционными признаками фонем, например смычный губной (*p/b*), глухой губной (*p/f*), смычный переднеязычный (*t/d*), переднеязычный аффрикативный (*ts/dz*), плавный сонорный согласный (*r/l*), лабиализованный гласный (*u/o*) и т.д. (см. понятие фонемотипа в [ВОРОНИН 1982]). Реконструкция подобных фонемотипов возможна для таких варьирующих славянских слов с редупликацией, которые могут иметь звукоподражательное или звукосимволическое происхождение: болг. *бър-бър-я*, диал. *бър-бъл-я*, *бъл-бъл-я* ‘невнятно говорить, болтать’ (цит. по [БЕР, I: 100, 98]), диал. *пър-пъл-я* тоже (собственный архив); польск. *bą-bel*, *bę-bel*, *pę-pel* ‘пузырь’ [KARŁOWICZ et al. 1900–1927, I: 108]; укр. диал. *гур-гъл-я*, *гур-гъл-а*, *гор-гъл-я* ‘бородавка’ (цит. по [Рудницкий 1962–1982, I: 890]); болг. диал. *дзán-дзар-а* ‘маленькая декоративная тыква’ (цит. по [БЕР, I: 374]), *ца-цар-ка* тоже [ХИТОВ 1979: 336]; болг. *пу-пұл* ‘торчащие перья на голове птицы’, *фу-фуль* тоже (ГЕРОВ 1975–1978, IV: 398; VI: 317); болг. разг. *дун-дур-кам* ‘качать ребенка’ (РБЕ), *дан-дур-кам*, *тан-тур-кам* тоже (БТР: 143, 1000).¹

Фонетическую вариативность звукоизобразительных слов можно объяснить и прагматическими причинами. Один из прагматических признаков этих слов – это креативность индивида, который может свободно создавать звукоизобразительные слова в своем устном общении [MIKONE 2001: 224], а также и видоизменять их. Это качество звукоизобразительных слов хорошо иллюстрируется на примере новых звукоизобразительных слов, употребляемых носителями языка в разных формах. Ср., например, сравнительно новое болгарское разговорное слово джиджа́фка / джуджа́фка / джаджа́фка, употребляемое как название сравнительно нового, обычно небольшого прибора современной бытовой техники, устройства, приспособления. Для этого слова возможно звукосимволическое происхождение (более подробно см. в [КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008: 89–84]).

Следует отметить также, что формальное варьирование при звукоизобразительных словах возможно и в связи с их первоначальной экспрессивностью.

¹ Гипотеза о звукосимволическом происхождении цитированных слов подкрепляется формально-семантическим параллелизмом с такими словами с редупликацией и тождественными или близкими значениями, как польск. диал. *bur-bul-ka*, *bur-bul-ka* ‘пузырь’ [KARŁOWICZ et al. 1900–1927: 235], болг. диал. *гън-гал* ‘водяные пузыри’, *пѐн-пур* ‘пузырь’ (цит. по [БЕР, I: 302; V: 155], где этимология слов указана как неясная); сербохорв. *bó-b-a* ‘маленькая бородавка на голове, например у индюшат’ [RJA, I: 463]; болг. *гръ-гъл-я* ‘декоративная тыква’ [ГЕРОВ 1975–1978, I: 251]; болг. диал. *чу-чұл* ‘торчащие волосы, перья и пр. на голове’ [ХИТОВ 1979: 340], русск. *хо-хól* ‘торчащий клочок перьев на голове у птицы’ [БТСРЯ]; русск. диал. *гү-г-аться* ‘качаться’ [СРНГ, VII: 198] и др. См. более подробно обоснование применения методологии для распознавания славянских слов звукосимволического происхождения, трактующей формально-семантический параллелизм слов с редупликацией свидетельством об их фонетической мотивированности, в [КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008].

Известно, что выражение экспрессивности в языке можно постичь и за счет нерегулярных фонетических изменений [НЁМЕС 1980: 27–30]. Нерегулярные фонетические изменения могут усилить и свойственную звукоизобразительным словам экспрессивность. Часто таким изменением является палатализация.

Формальное варьирование при звукоизобразительных словах возможно также в связи с их структурой, с наличием редупликации в них. Нередко наблюдаются параллельные формы с полной и неполной редупликацией: ср. болг. *мър-мър-я* ‘говорить невнятно и непонятно; ругаться, упрекать, ругать’ и *мър-мр-я* ‘говорить невнятно, бормотать; ругать, упрекать’, диал. *мър-мр-ям* (цит. по БЕР, IV: 416, 395); бълг. *кър-кър-я* ‘(о кишечнике голодного человека) издавать особый звук’ и *кър-к-ам* тоже, *кър-к-ам* тоже (цит. по БЕР, III: 206, 203, 147); русск. диал. *дун-дул-ук* ‘дурак, болван’ и *дун-д-ук* ‘глупый, бестолковый, невежественный, упрямый человек’ [СРНГ, VIII: 258]; укр. диал. *бём-бул* и *бём-б-а* ‘дурак, увалень, олух’ (цит. по [ЕСУМ, I:166], где этимология слов указана неясной); болг. диал. *гар-гъл-ка* и *га-гъл-ка* ‘возвышенное место...’ [СТОЙЧЕВ 1970: 162].² В таких случаях формы с полной редупликацией следует считать исходными, а формы с неполной редупликацией рассматривать как следствие синтагматической экономии.

3. Омонимия звукоизобразительных слов и их диахроническое тождество

Вопрос об определении диахронически тождественных звукоизобразительных слов и морфем осложняется также тем, что звукоизобразительные слова являются мощным источником омонимии.

Звукоизобразительные слова являются иконическими знаками, но они не могут постичь высокой степени сходства между означающим и означаемым. Язык, который прежде всего является системой конвенциональных знаков, располагает ограниченными фонологическими средствами, с системно обусловленной значимостью фонем, а не прямой. Ограничены также комбинаторные возможности фонем и структурные типы звукоизобразительных слов, которые часто содержат редулицированные звуковые комплексы. Поэтому нередко возможно обозначение разных образов (и звуковых, и незвуковых) одними и теми же звуковыми формами. Исследователи звукоизобразительной лексики нередко отмечают формальное тождество между звукоподражательными и звукосимволическими словами [ПОЛИВАНОВ 1968: 304; МОСКОВ 1969: 435; КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008: 259–261]. Ср., например, такие случаи омонимии между звукоподражательными и звукосимволическими словами, как: болг. диал. *гъ-гр-я* ‘говорить’ и *гъ-гр-я* ‘завивать, скручивать (волосы)’ (цит. по [БЕР, I: 298, 299]); болг. диал. *ке-кър-я* ‘говорить, болтать громким, крикливым голосом’ и *ке-кър-я* ‘таращить (глаза)’ [РБЕ]; русск. диал. *кундры-*

² О возможности звукосимволического происхождения цитированных слов свидетельствует формально-семантический параллелизм с такими словами с редупликацией, как: русск. диал. *дур-дор-а*, *дур-дур-я* бранно ‘дурак, дура’ [СРНГ, VIII: 250, 251], болг. диал. *кун-кур-а* ‘дурак’ [ГЕРОВ, II: 429]; сербохорв. *бу-бул-ика* ‘куча земли, холм, бугорок’ [RJA, I: 702], болг. *кун-кун-а* ‘возвышение’ [ГЕРОВ, II: 428] и др.

мундры мн. ч. ‘несерьезные разговоры’ и *кундры-мундры* ‘тряпье, лохмотья’ [СРНГ, XVI: 91]; русск. диал. *бала-бóл-ка* ‘болтун’ и *бала-бóл-ка* ‘шарообразный наконечник на палке’ [СРНГ, II: 66].³

Кроме того, неоднозначны возможности звукоизобразительных слов для постижения иконичности. Эта неоднозначность касается и иконичности звуков, и иконичности редупликации, при помощи которой нередко образуются звукоизобразительные слова.

Например, относительно символизирующей функции высокочастотных передних гласных (*i, e*) отмечается, что они связываются с образами маленького [ОНАЛА 1994: 340–341], но и яркого [WAUGH 1993: 74]; о низкочастотных задних гласных (*a, o, u*) – с образом большого [ОНАЛА 1994: 340–341], но и темного [WAUGH 1993: 74]; о лабиализованных задних гласных (*o, u*) – также с образами округлого, сферического, выпуклого [ВОРОНИН 1982: 98–102] и др.

Возможности иконических связей редупликации тоже не однозначны. В когнитивной лингвистике на основании множества исследований сделано обобщение, что для редуцированных форм возможна иконическая связь с образами грудного ребенка (потому что редупликация характерна для речи детей), повторения и множественности. От этих образов путем семантического развития по правилам радиальной категории, посредством когнитивной операции инференции, могут быть развиты другие значения, например: «грудной ребенок» > «нечто маленькое»; «грудной ребенок» > «любимое существо»; «множественность» > «нечто распростертое» > «нечто большое»; «множественность» > «нечто распростертое» > «нечто кривое» и т.д. [REGIER 1998: 888]. Ср. такие омонимичные слова с редупликацией, для которых возможно независимое звукосимволическое происхождение от разных образов: польск. *bo-bo* нежно ‘о маленьком ребенке’ [DOROSZEWSKI 1958–1969, I: 582] и польск. *bo-bo* ‘пугало, страшилище; страх, ужас’ [KARŁOWICZ et al. 1900–1927, I: 178]; русск. диал. *бала-бóл-ка* ‘плод картофеля с семенами, вырастающий на стебле после цветения’ и *бала-бóл-ка* ‘пойло для коровы с мукой или отрубями’ [СРНГ, II: 66].

Следовательно, неоднозначная иконическая связь между звуковой формой звукоизобразительного слова и значением может стать предпосылкой для независимого происхождения звукоизобразительных слов с тождественной формой, т. е. для возникновения изначальных омонимов. При этимологизации звукоизобразительных слов важно распознать и случаи дивергентных омонимов, произошедших от развития одного и того же иконически изображаемого образа, так как их омонимия с точки зрения этимологии мнимая.

³ В качестве типологических параллелей к словам, для которых предположено звукосимволическое происхождение, ср. с: сербохорв. *ko-kòr-av, ku-kur-av* ‘кудрявый’ [RJA, V: 170, 764]; болг. диал. *ше-шёр-я се* ‘тарашить глаза’ [ГЕРОВ, VI: 330], *кó-кол-а са* ‘открывать широко глаза, напрягать зрение’ [ХИТОВ 1979: 268]; польск. *gal-gan*, диал. *gal-kun* ‘рваная тряпка; вещь без стоимости; старая одежда’ [KARŁOWICZ et al. 1900–1927, I: 798], русск. диал. *бала-бóл-ки* ‘лохмотья’ [СРНГ, II: 66]; болг. *го-гол-йца* ‘палка с естественным утолщением шарообразной формы на конце’ (цит. по [БЕР, I: 259]).

4. Заключение

Можно заключить, что природа звукоизобразительных слов, в том числе их физиологические основы, предопределяют их неподчинение фонетическим законам, формальную вариативность и довольно частое наличие омонимии. Эти факты необходимо учитывать при этимологизации слов, для которых возможно звукоизобразительное происхождение. Применение стандартной процедуры этимологизации таких слов с догматическим применением фонетических законов ведет к тому, что в этимологических словарях такие слова часто указываются неясными или получают неадекватное объяснение. Учет природы и особенностей эволюции звукоизобразительных слов имеет решающее значение для их распознавания, для определения их этимологических гнезд и реконструкции этимонов.

Библиография

- БАЛОНОВ, Л.Я. – ДЕГЛИН, В.Л. [BALONOV, L.Ā. – DEGLIN, V.L.] 1976: Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Ленинград: Наука. [Hearing and Speech of the Dominant and Non-dominant Hemispheres. Leningrad: Nauka]
- БЕР [BER]: Български етимологичен речник. София: Изд. на БАН [Bulgarian etymological dictionary. Sofia: Publishing House of BAS], 1971–.
- БРОДОВИЧ, О.И. [BRODOVIČ, O.I.] 2002: Звукоизобразительная лексика и звуковые законы // Англистика в XXI веке: материалы конференции. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ [Sound-symbolic vocabulary and sound laws // English in the 21st Century: Conference Proceedings. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University] 23–25.
- БТР [BTR]: Андрейчин, Л., Георгиев, Л., Илчев, Ст., Костов, Н., Леков, Ив., Стойков, Ст., Тодоров, Цв. Български тълковен речник. III изд. София: Наука и изкуство [Andrejčin, L., Georgiev, L., Ilčev, St., Kostov, N., Lekov, Iv., Stojkov, St., Todorov, Cv. Dictionary of the Bulgarian Language, 3rd ed. Sofia: Nauka i izkustvo] 1973.
- БТСРЯ [BTSRĀ]: Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ch. ed. S. A. Kuznecov. First ed.: St. Petersburg: Norint], 1998. // <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed: 08.05.2022).
- ВОРОНИН, С.В. [VORONIN, S.V.] 1982. Основы фоносемантики. Ленинград: Изд. ЛГУ [Fundamentals of Phonosemantics. Leningrad: LSU Publishing House].
- ГЕРОВ, Н. [GEROV, N.] 1975 – 1978: Речник на българския език. София: Български писател [Dictionary of the Bulgarian Language. Sofia: Balgarski pisatel].
- ЕСУМ [ESUM]: Етимологічний словник української мови. У 7-ми т. Т. I–VI. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Ред. кол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. I–V. Київ: Наукова думка, [Etymological dictionary of the Ukrainian language. In 7 vols. T. I–VI. USSR Academy of Sciences. Inst. of linguistics named after O. O. Potebnya. O. S. Melnychuk (Ed. in chief) etc. T. I–VI. Kyiv: Naukova dumka] 1982–2012.
- ЖУРАВЛЕВ, И.В. – ОЩЕПКОВА, Е.С. [Žuravlev, I.V. – Ošepkova, E.S.] 2020: Мозг и язык: проблема латерализации // Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография. Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. Москва: Институт языкознания РАН [Brain and language: the problem of lateralization // Consciousness. Language. Brain. Collective monograph. Eds. E. F. Tarasov, I. V. Žuravlev. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences] 26–45.

- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА, Ж. [KOLEVA-ZLATEVA, Ž.] 2008: Славянская лексика звуко-символического происхождения [Slavic Words of Sound Symbolic Origin]. *Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis*. Vol. 1. Agyagási K. (Ed.). Debrecen: Debreceni Egyetem.
- МОСКОВ, М. [MOSKOV, M.] 1969: Турски и тюркски заемки от звукоподражатели и незвукоподражатели характер в балканските езици // Годишник на СУ. ФСлФ. Т. LXII. София: Издателство на БАН [Turkish and Turkic borrowings of sound imitation and non-sound imitation origin in the Balkan languages // *Yearbook of Sofia University*. FSIF. LXII. Sofia: Izdatelstvo na BAN] 436–532.
- ПОЛИВАНОВ, Е.Д. [POLIVANOV, E.D.] 1968: По поводу звуковых жестов японского языка // Е.Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. Москва: Наука [About the sound gestures of the Japanese language // E.D. Polivanov. *Articles on General Linguistics*. Moscow: Nauka] 295–305.
- РБЕ [RBE]: Речник на българския език. София: Изд. на БАН [Dictionary of the Bulgarian Language. Sofia: Publishing House of BAS] // <http://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения: 01.04.2022).
- РОТЕНБЕРГ, В. [ROTENBERG, V.] 2009: Межполушарная асимметрия, ее функция и онтогенез // Руководство по функциональной межполушарной асимметрии. В. Ф. Фокин (отв. ред). Научно-исследовательский центр неврологии РАМН. Москва. [Interhemispheric asymmetry, its function and ontogenesis // *Guide to Functional Interhemispheric Asymmetry*. V. F. Fokin (Ed. in chief). Research Center of Neurology of the Russian Academy of Medical Sciences. Moscow.] // http://www.cerebral-asymmetry.ru/Rukovod_book.htm (дата обращения: 01.04.2022).
- РУДНИЦЬКИЙ, Я. [RUDNIC'KIJ, J.] 1962 – 1982: Етимологічний словник української мови: У 2-х т. Укл. Ярослав Рудницький. Вінніпег–Оттава: Ukrainian Free Academy of Sciences (T.1), Українська Могілянсько-Мазепинська Академія Наук та Ukrainian Language Association (T.2) [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 2 vols. Yaroslav Rudnytsky. Winnipeg-Ottawa: Ukrainian Free Academy of Sciences (T.1), Ukrainian Mohyla-Mazepa Academy of Sciences and Ukrainian Language Association (T.2)].
- СРНГ [SRNG]: Словарь русских народных говоров. Т. 1– (ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов), Ленинград: Наука [Dictionary of Russian Folk Dialects. Vol. 1– (ed. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov), Leningrad: Nauka] 1965–.
- СТОЙЧЕВ, Т. [СТОЈЇЕВ, Т.] 1970: Родопски речник // Българска диалектология. V, София: Издателство на БАН [Rhodope Dictionary // *Bulgarian Dialectology*. V. Sofia: Publishing House of BAS] 152–221.
- ХИТОВ, Хр. [Hitov, Hr.] 1979: Речник на говора на с. Радовене, Врачанско // Българска диалектология. IX. София: Издателство на БАН [Dictionary of the dialect of the village Radovene, Vratsa region // *Bulgarian Dialectology*. IX. Sofia: Publishing House of BAS] 223–342.
- ШВЕЦОВА, Н.Н. [ŠVECOVA, N.N.] 2011: Звукоизобразительная лексика в английских диалектах. Диссертация... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург [Sound-symbolic Vocabulary in English Dialects. Dissertation... PhD. St. Petersburg].
- ЯКОВСОН, Р. [JAKOVSON, R.] 1985: Мозг и язык // Избранные работы. Москва: Прогресс [Brain and Language // *Selected Works*. Moscow: Progress] 270–286.
- DOROSZEWSKI, W. 1958–1969: *Słownik języka polskiego*. T. I–XI. Warszawa: WPN.
- FLAKSMAN, M. 2020: Pathways of de-iconization. How borrowing, semantic evolution, and regular sound changes obscure iconicity // *Operationalizing Iconicity*. Ed. by Pamela Permiss, Olga Fischer and Christina Ljungberg. *Iconicity in Language and Literature* 17. Benjamins, 2020, pp. 76–103 // <https://doi.org/10.1075/ill.17.05fla> (accessed: 01.04.2022).

- KANERO, J. et al. 2014: Kanero, J., Imai, M., Okuda, J., Okada, H., Matsuda, T. How Sound Symbolism is Processed in the Brain: A Study on Japanese Mimetic Words // PLoS ONE, 9 (5): e97905 // <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0097905> (accessed: 01.04.2022).
- KARŁOWICZ J. et al. 1900–1927: Karłowicz, J., A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego. I–VIII. Warszawa.
- KITADA, R. et al. 2021: Kitada, R., Kwon, J., Doizaki, R., Nakagawa, E., Tanigawa, T., Kajimoto, H., Sadato, N., Sakamoto, M. Brain networks underlying the processing of sound symbolism related to softness perception // Scientific Reports, 11, 7399 // <https://doi.org/10.1038/s41598-021-86328-6> (accessed: 01.04.2022).
- LOCKWOOD, G. – DINGEMANSE, M. 2015: Iconicity in the lab: A review of behavioral, developmental, and neuroimaging research into sound-symbolism // Frontiers in Psychology, 6, 1246. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01246> (accessed: 01.04.2022).
- LOCKWOOD, G. – TUOMAINEN, J. 2015: Ideophones in Japanese modulate the P2 and late positive complex responses // Frontiers in Psychology, 6, 933 // <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00933> (accessed: 01.04.2022).
- MALKIEL, Y. 1990: Diachronic Problems in Phonosymbolism. Edita and Inedita, 1979–1988. Vol.1. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- MIKONE, E. 2001: Ideophones in the Balto-Finnic languages // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam, 223–234.
- NĚMEC I. 1980: Rekonstrukce lexikálního vývoje. Praha: Academia.
- OHALA, J. J. 1994: The frequency code underlies the sound-symbolic use of voice pitch // Sound Symbolism. Eds. L. Hinton et al. Cambridge University Press, 325–347.
- REGIER, T. 1998: Reduplication and the Arbitrariness of the Sign // Proceedings of the Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society. Gernsbacher, M., Derry, S. (Eds.). Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 887–892.
- RJA: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–XIX. Zagreb: Izdavački zavod Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. 1880–1967.
- THIERRY, G. et al. 2003: Thierry, G., Giraud, A.-L., Price, C. Hemispheric dissociation in access to the human semantic system // Neuron. Vol. 38/3: 499–506 // [https://doi.org/10.1016/S0896-6273\(03\)00199-5](https://doi.org/10.1016/S0896-6273(03)00199-5) (accessed: 01.04.2022).
- WAUGH, L. 1993: Against Arbitrariness: Imitation and Motivation Revived, with Consequences for Textual Meaning // Diacritics, 23/2: 71–87.
- YANG, J. et al. 2019: Yang J, Asano M, Kanazawa S, Yamaguchi MK, Imai M. Sound symbolism processing is lateralized to the right temporal region in the prelinguistic infant brain // Scientific Reports, 9/1, 13435 // <https://doi.org/10.1038/s41598-019-49917-0> (accessed: 01.04.2022).

Живка КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА
Великотърновский университет им. св. Кирилла и Мефодия
Велико-Търново, Болгария
zhivka.zlateva@ts.uni-vt.bg
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6261-1152>

